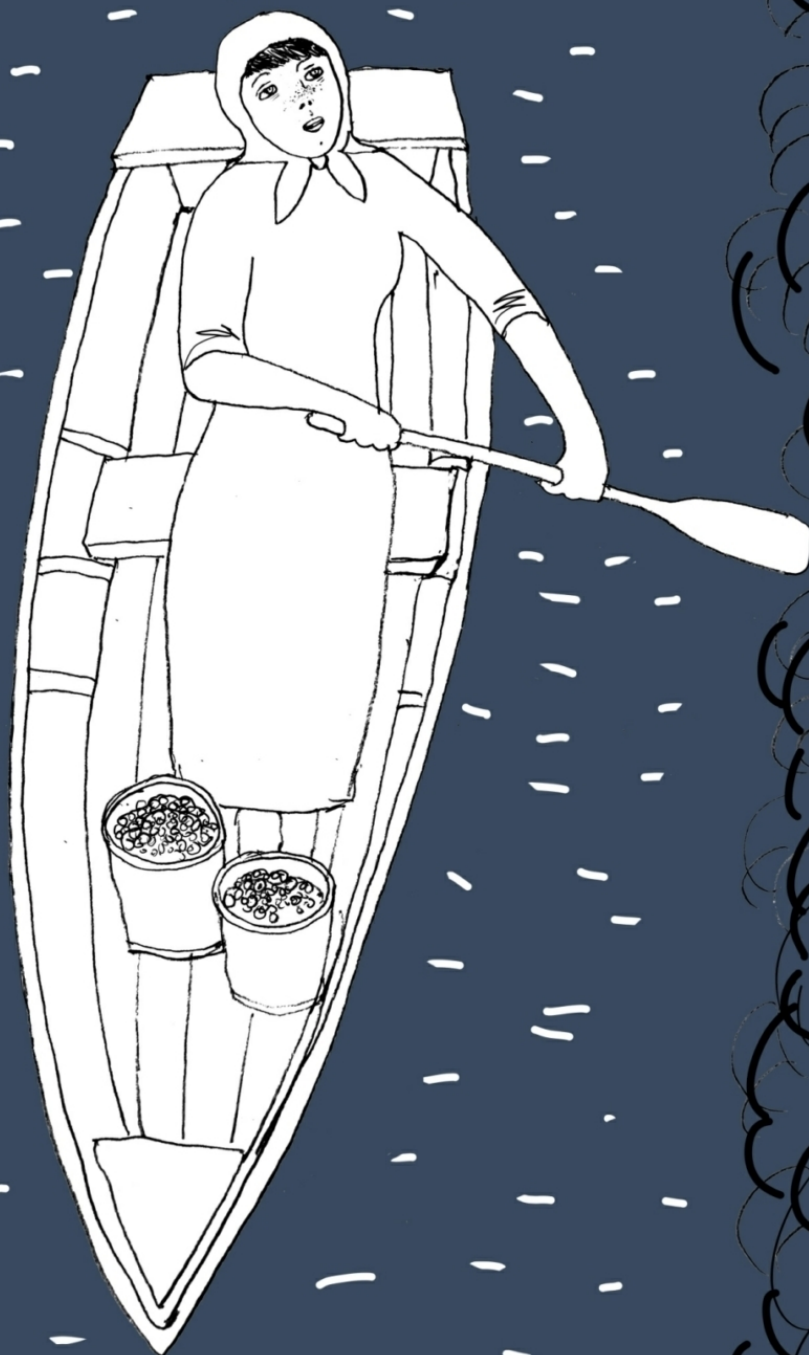

Сергей Прокопьев

СОН ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

18+

Сергей Прокопьев
Сон Пресвятой Богородицы

«ЛитРес: Самиздат»

2008

Прокопьев С. Н.

Сон Пресвятой Богородицы / С. Н. Прокопьев — «ЛитРес: Самиздат», 2008

Ксения, героиня повести Сергея Прокопьева, из старообрядцев, прошедших мясорубку советского атеизма. Бесконечно далёк от церкви и её заповедей отец, мать возвращается к Богу, прожив трудную жизнь. От неё Ксения узнаёт молитву старообрядцев «Сон Пресвятой Богородицы» о крестных страданиях Иисуса Христа. Сама Ксения долго время жила, не заостряя внимание на заповеди «не прелюбы сотвори», не заморачиваясь на вопросе: хорошо или нет изменять мужу. Одно беспокоило – главное, чтобы он не узнал. Остальное мелочи. Работала, училась, растила детей и жила в своё удовольствие, увлекаясь новыми связями, снова и снова влюбляясь. Однако со временем начинается взросление, переоценка себя. Погибает муж, что-то идёт наперекосяк. Автор описывает героиню в поворотный момент её жизни.

Сергей Прокопьев

Сон Пресвятой Богородицы

Литургия шла в правом приделе. Служил отец Николай, седовласый, седобородый, с аскетическим лицом и глухим голосом. Диакон, наоборот, был плотный, крепкий, с сочным баритоном, аккуратной русой бородкой. Алтарник – чересчур серьёзный юноша в очках.

На душе у Ксении было хорошо и покойно. Служба в центральной части храма – это всегда многолюдно, торжественно. Величие пятиярусного золочёного иконостаса, пение хора и клироса, наполняющее устремлённое под купол пространство обволакивающими сердце звуками, высоченные Царские врата, за которыми таинственный престол... Совсем другое – служба в правом приделе. Она проходила по-домашнему. Певчие стояли тут же – рядом с молящимися, не на возвышении. И алтарь на одном уровне с тобой, в каких-то пяти шагах. Волнующе близко, рукой подать, за невысокими Царскими вратами чудесно Святой Дух нисходил на Чашу с хлебом и вином. Это произойдёт и сегодня...

Впереди Ксении стояла молодая женщина. Беременная. Месяце на седьмом. Животик жёлудем. «Мальчик», – предположила Ксения. С беременной двое деток. Мальчишечка года три, девочка постарше – лет шесть, не больше. Дочь держалась вплотную к матери. Сын на месте устоять не мог. То садился на пол, то ходил. Но молча.

Ксения старалась не пропустить ни одного слова службы. И любовалась счастьем женщины. И завидовала. Не стоять ей никогда вот так с детьми, не молиться рядом со своими малышами, чувствуя в животе умопомрачительную тяжесть новой жизни, которая ещё неразрывно с тобой, с которой омываешься одной кровью, маленькое сердце бьётся в унисон с твоим, а крохотные ножки вдруг – так сладко! – начинают требовательно толкаться...

Она всегда хотела пятерых детей. Почему пятерых? А кто его знает? Будто с этим появилась на свет. Может, маленькой восприняла от старших сестёр: пятёрка – лучшая оценка в школе? Недавно прочитала, что идеальная семья вшита кодом в самом названии ячейки – «семь я». Мама, папа и пятеро детей. Как бы там ни было, хотела именно столько. В девятнадцать родила первую дочь, четыре года спустя – вторую. И не собиралась останавливаться. Домовитой никак не назовёшь. Не из тех, у кого ничего, кроме семьи, в голове. Телесное со старших классов бурлило, манило сладкой тайной, настойчиво требовало своего. Легко сходилась с мужчинами и до замужества, и после. За грех не считала. Беспокоило одно-единственное – муж бы не узнал. Никаких угрызений совести. Мужчины были женатые и холостые, младше и старше её. В кого-то влюблялась, кто-то проходил мимолётным приключением.

И сейчас до полного осознания не видела в этом греха. Но пойти на исповедь с этим не могла. Два раза пыталась... Не испытывала смущения покаяться в абортах. Но мучительно стыдилась признаться священнику в многочисленных связях с мужчинами, в изменах мужу... Первый раз в очереди на исповедь стояла в Страстную субботу. Придел с желающими исповедаться был полон. Добрых полтора часа с колотящимся сердцем снова и снова повторяла про себя, что скажет священнику. Очередь двигалась медленно. Уже шла литургия, а исповедь продолжалась и продолжалась. Наконец женщина, стоявшая перед Ксенией, шагнула к священнику. Ксения повернулась к очереди покаяться: «Простите, братья и сестры», – чтобы затем пойти под епитрахиль, и... смалодушничала. Почти бегом устремила из церкви...

Через два года уже под епитрахилью залилась слезами. Священник пытался успокоить: «Начинайте, будет легче...» «Нет-нет, в следующий раз!» – вся в слезах выскочила на улицу.

Иногда думала: почему мать не приучала к молитве. Ни в детстве, ни позже...

Мать и отец были из старообрядцев. Называли себя двоеданами. В Тюменской области, откуда они родом, было несколько старообрядческих деревень. В одних жили долгие годы

только двоеданы, в их Турушево двоеданы и православные половина на половину. Отца Ксения молящимся не видела. Не помнит, чтобы перекрестился когда. Являл собой яркий пример грешного человека. Пил, курил, всю жизнь куролесил с женщинами. В пьяном угаре гонял жену, дочек... Тогда как мама на памяти Ксении без Бога ни до порога. Но исключительно сама. Ни старших сестёр, ни её саму не учила молитвам. Почему? Боялась за их будущее в атеистической стране? Боялась неприятностей в школе?

«Без Бога, дочка, – как-то обронила, – я бы не выдержала с твоим отцом. Царствие ему Небесное. Самые страшные мысли приходили в голову. Взять и избавиться от постоянной муки, себя и вас освободить от непрекращающихся издевательств. Отравить. Да так, чтобы никто не догадался... Не допустил Господь... Но пришла к Богу поздно, как тебя родила. А надо бы раньше, глядишь, и по-другому жили...»

На что подмывало спросить: «Но почему, мама, нас не приучала? Пусть не к церкви, тогда это невозможно было, но к молитве... Ведь знала её силу...»

Сразу после войны с матерью произошёл поразительный случай.

Она – семнадцатилетняя девица Маремия – работала почтальонкой. За почтой в районное село за восемь километров ходит, змейкой по деревне от дома к дому пробежит, разнесёт газеты, письма, уже и вечер... Сумку, опустевшую, в сторону, начинаются домашние обязанности. Первая – встретить корову из стада. Жила Маремия с бабонькой – бабушкой по отцовской линии. Отец умер перед самой войной, мать – в 1945-м. Надорвала сердце непосильной работой в колхозе, надорвала постоянным страхом невыплаты налогов. Осталась Маремия с бабонькой. Скорая на ногу, она в тот памятный на всю жизнь день с почтой справилась быстро. Стоял август, самую голодную летнюю пору – до Петрова дня – деревня пережила, и пусть хлеб нового урожая ещё не попробовали, всюю подкармливал лес: грибы пошли, ягода... На другом берегу Исети поспела боярка. За ней Маремия нацелилась сплавать. До стада два часа в запасе. Как раз хватит.

Бабонькин огород, начинаясь под самым домом, дальним краем уходил к Исети. Маремия с веслом и ведёрком миновала грядки, по тропинке пересекла лужок, вот и берег. Села на корму батика – лодки-долблёнки и погребла на другую сторону... Девушка невысокопная, миниатюрная, да весло в руках, натренированных деревенской жизнью, работало споро, попеременно толкая воду с правого и левого бортов. Перемахнула реку, вытащила батик на берег, подхватила ведёрко... Боярка не смородина, собирать быстро. Одно, второе деревце обобрала...

Ещё бы немножко, и наполнила ведёрко, да послышался рёв коров – стадо идёт. Как бы ни опоздать. Заспешила Маремия к батик, и, Боже мой!.. Откуда что взялось? На небе солнце, а на реке во всю ширь волны! Да с пеной. Ходит Исеть набычившимися буграми. Заметалась Маремия. Подумалось: может, выше по течению тише, там криулина – река делает поворот. Села в батик, волны его мотают, грести невозможно... Что делать? У берега над водой тальник нависает, хватаясь руками за ветки, начала подтягивать лодчонку от куста к кусту. При этом читает вслух молитву «Сон Пресвятой Богородицы». Бабонька с детства учила: «Мы у воды живём, как на реке что – обязательно твори эту молитву».

«Выехала за криулину, – рассказывала мама, – там ещё страшнее. Волн по верху нет, рябь, вода прозрачная, но бурлит всё, крутит. В такое варево на узком батике угодишь – обязательно перевернёшься».

Маремия, цепляясь за тальник, стала спускаться вниз по течению, в надежде найти более спокойное место. Молитву беспрестанно читает:

«Спала еси Пресвятая Дева Мария в городе Иерусалиме у истина Христа на престоле, и приди к ней Иисус Христос, и рече Пресвятая Богородица: о Чадо мое милое, спала я на сем месте и видела сон чуден и страшен: видела Петра в Риме, Павла в доме Симона, а Тебя, моего Сына Иисуса Христа, видела в городе Иерусалиме у жидов пойман, вельми поруган, и

биши Тебя жиди, в лице Твое святое плеваше, и к Понтийстему Пилату на суд поведоша, и осудил Тебя Пилат на казнь, и казнили Тебя на горе Голгофе, на трех древах, на кедре, певге и кипарисе, руци и нози Твои ко кресту пригвоздиша, на главу Твою святую надели тернов венек, напоиши Тя оцтом, копием прободаша ребро Твое, а из него истечет кровь и вода за спасение всего человечества, а я, Мате Твоя, у креста стояла с возлюбленным учеником Твоим Иоанном Богословом и вельми плакала и рыдала, и речешь Ты Мне со креста: о Мати Моя, не плачь, Я со креста снят буду и во гроб положен, и на третий день Я воскресну и вознесусь на небо с ангелами Херувимами и Серафимами, а тебе, Мати Моя, прославлю. И речет ей Исус Христос: о Мати Моя, сон Твой не ложен, словеса твои паче меда устам Моим. Слава Отцу и Сыну и Святому духу. Аминь». Потом читала Маремия: «Господи Исусе Христе Сыне Божий, помилуй мя». И снова «Сон Пресвятой Богородицы».

Творила молитву и, цепляясь за тальник, плыла вдоль всей деревни, что была на противоположном берегу. Достигла нижнего её края, места, с которого бабонькин дом как на ладони видно. В пять минут бы долетела через реку, кабы не волны. Ходуном ходят, и думать страшно в такую погибель направить батик.

«Спала еси Пресвятая Дева Мария в городе Иерусалиме у истина Христа...» – Маремия беспрестанно молитву читает...

И вдруг смотрит... Сколько бы ни рассказывала потом, как доходила до этого места, мурашки по коже... Поперёк взбесившейся реки дорога пролегла. Слева и справа волны, а полоса шириной, как зимой санный путь, только рябью мелкой покрыта. От берега до берега протянулась чудесная дорожка. Маремия упёрлась в дно веслом, отпихнулась со всей силы и, не помня как, промчалась по тихой воде. Нос батика ткнулся в родной берег, в этот момент волна как ударит, захлестнула батик, ведёрко с ягодой перевернулось. Маремия глянула за спину: дорогу, только что лежавшую перед батиком, захлопнуло, как и в помине не было, река волнами пенными ярится.

Перебежала с кормы на нос, цепь схватила, на плотик прыгнула. Плотик – мостки, чтобы воду на полив брать, бельё полоскать... Два больших тележных колеса на оси, к которой три широких доски прибиты. Бесколёсый конец плотика на берегу закреплён. Обмелела река – плотик к воде пододвинут, прибыла вода – в другую сторону переместят. Рядом с плотиком кол с кольцом вбит – батик привязывать...

Маремия цепь на кол намотала, боярку со дна лодки в ведёрко собрала, весло подхватила и на гору домой. Гора высокая, тридцать восемь ступенек. Во двор заскочила, корова в пригоне стоит, бабонька навстречу внучке: «Где была?» Рассказала Маремия о чудесной дорожке. «Это тебе Никола и Богородица дорожку сделали и перенесли, – сказала бабонька. – Я ведь их просила».

Бабонька, как увидела волны на реке, начала молиться: «Святитель Христов Никола, спаси рабу Божию девицу Маремию принеси её домой целу и невредиму». И к Богородице: «Матушка Пресвятая Богородица, спаси рабу Божию Маремию девицу, принеси её домой целу и невредиму».

Кто из них двоих вымолил дорожку?..

«Бабонька неграмотная была, – рассказывала мама, – она от своей матери приняла молитвы и мне передала».

Мать любила вспоминать бабоньку, голос обязательно теплел: «Никто так за меня не молился, как бабонька. На каждый мой шаг. Куда идти, одной или с подружками, прошу: «Бабонька, благослови». “Бог, – скажет, – благословит, айдате со Христом”. И бегу довольнёнхонькая».

Читали часы. Читала девушка, почти девчонка, в белом платочке, ладненькая, с румянцем на щеках. Читала без нередко присутствующей на службах скороговорки, чуть нараспев:

«...Боже, услыши молитву мою, внуши глаголы уст моих. Яко чуждии воссташа на мя, и крепцыи взыскаша душу мою, и не предложиша Бога пред тобою...» Звонкий молодой голос выпевал древнюю молитву. Её словам внимали прихожане, иконы, стены храма...

Беременная женщина слушала, наклонив голову, губы шевелились – повторяла про себя псалом. Дочь стояла рядом с матерью и смотрела на чтицу, сын отошёл к аналою. Был он в синих джинсиках, лёгкой цвета морской волны курточке, чёрных кроссовочках. Русые волосы аккуратно, даже стильно пострижены под горшочек. Видно, стригла мама, как руки подсказали, спереди они слишком коротко взяли, от чего волосики торчали. Мальчишечка постоял у аналоя, разглядывая светлый покров, потрогал ткань ладошкой, потом посмотрел на маму... Убрал руку...

Ксения, спрашивая себя: «Почему мать не приучала к молитве?» – тут же возражала: «А был бы толк?» И снова задавалась вопросом: «Неужели совсем никакого, начни в раннем возрасте...»

«Как я замуж вышла и родила Танечку, – рассказала мама, – совсем сделалась мирской. Закрутила суета-маета, утром поднимусь, три поклона не положу... Потом родилась Леночка... Только когда тебя родила и жить вконец неумогуто сделалось, опять начала к Богу поворачиваться».

Мама в своём довоенном детстве отказалась идти в пионеры. Отрубила в школе: «Бабонька не разрешает галстук надевать, клеймо антихристово». Крамольное заявление, как ни странно, не вызвало карающих последствий. Может, на заре советской власти в деревне, наполовину старообрядческой, со снисхождением относились к нововведениям идеологическим? Потому санкций к ребёнку за политический выпад не применили. Своим детям Маремия ни слова не говорила о «бесовской повязке», о силе молитвы, о смертных грехах... Попробуй бы она, Ксения, в школе заявить про «клеймо антихристово»...

У беременной женщины был с собой складной стульчик, она опустила на него, давая отдохнуть ногам. Мальчишечка – до этого он, подперев голову руками, сидел на корточках у колонны – поднялся, подошёл к матери и полез на колени. С животом женщине было неудобно держать сына... Но он уместился. Всё молча. «Понимает, – подумала Ксения, – где находится».

Первый раз Ксения изменила мужу, когда того призвали в армию. Проводила Петра в солдаты на два года, но и полугодом разлуки не выдержала, схватила дочку-мальшку в охапку и сорвалась к мужу под Новосибирск. За пару месяцев до этого решительного шага вынырнул из небытия Коленька Семёнов, первый её мальчик-мужчина, классом старше учился. Года два не виделись, тут столкнулись в сумерках на улице. Коленька бурно обнял, притиснул к груди, назвал, как раньше: «Ксюся!» – и поплыло у женщины перед глазами. На душе было так одиноко, так не хватало тепла, ласки. Дома через день да каждый день ругань родителей... Под разными предлогами оставляя дочь на мать, несколько раз бегала к Коленьке... Потом поехала к мужу, пусть он в казарме, зато рядом. Устроилась работать в госпиталь при военном городке, дали квартиру. На площадке, дверь напротив, жил обаятельный хирург из Харькова – Лёня Кошелёв. Как-то Ксения загрипповала, температура под сорок. Лёня заботливо потчевал лекарствами, дочери Ксении Катюшке кашу варил, кормил мальшку да и маму её. Жена Лёни надменная Лариса смотрела на это снисходительно. Когда она отбыла в Харьков к родителям, Лёня стал поздними вечерами захаживать к Ксении. Или она к нему тайком ныряла. Лёню перевели в Тюмень, его интимную роль стал играть сверкающий новенькими погонами лейтенант-первогодок, что жил этажом ниже...

На пару с мужем «отслужили» срочную, вернулись домой. Она совсем-совсем молодая женщина, энергии через край, и, если нравился мужчина, а его тянуло к ней, результат, как правило, случался один. Муж – это обязательное, само собой разумеющееся, а вокруг столько

разных интересных мужчин... Влекло любопытство: «Как будет с этим? Какая буду с тем? Какая нужна тому?»

Родила вторую дочь. В год отдала в ясли, пошла на работу. Мужу дали квартиру. Жили дружно и негрустно, частенько выбирались за город большими компаниями. Муж – мужчина рукастый – купил старенькую «Победу», восстановил. На ней ездили на озёра... Любили весёлые застолья, принимать гостей, ходить по друзьям...

На одной из таких вечеринок познакомилась со Славиком, праздновали день рождения его двоюродной сестры – сотрудницы Ксении. Славик на восемь лет младше Ксении, месяц назад аттестат зрелости получил. Пели с ним на два голоса, танцевали вальс, а через два дня Славик позвонил на работу и пригласил в кино. «Фильмец – боевичок, не пожалеешь», – агитировал. Как ни скрывал, в голосе чувствовалось волнение, опасался отказа. Работала Ксения воспитателем в общежитии. С начальником повезло, не из ретивых, свободно распоряжалась служебным временем, отлучиться ничего не стоило. В середине буднего дня рванули со Славой на «фильмец». В темноте кавалер взял за руку, потом положил горячую ладонь на гладкое женское колено. Не досмотрев кино, поехали к Славику домой, родители были на работе. Едва захлопнулась входная дверь, Славик бросился прямо в коридоре раздевать женщину... Руки дрожали... После торопливых объятий включил магнитофон, пел Бутусов: «Ты моя женщина, я – твой мужчина!» Позже всякий раз после близости Славик восторженно повторял эту строчку, гордо подчёркивая: «Я – твой мужчина». Мужчина был губастый, голенастый, долговязый... При любой возможности набрасывался на неё с поцелуями.

Славик водил Ксению к вчерашним одноклассникам. На этих вечеринках Ксения ловила себя на ощущении навсегда ушедших в прошлое школьных компаний с их щенячьим восторгом, где парни и девчонки пыжались казаться взрослыми, а будущее видится им сплошным праздником. В кругу друзей Ксении атмосфера была приземлённей. Собираясь вместе, гуляли дым коромыслом, дурили от души, но у всех за спиной семейная круговерть, дети на шее...

Щёки Славика украшал плотный румянец. Ксения любила в постели положить ладонь на его лицо и медленно-медленно гладить ещё детскую кожу. Такое было только с тем самым Коленькой – первым парнем в десятом классе. Потом пошли щетинистые мужчины.

С Ксенией Славик жадно открывал для себя женщину. Однако при всем мальчишестве голову не терял, дескать, «ты моя женщина навеки». Его забрали в армию, а через полгода комиссовали по здоровью. Но больше не встречались. Однажды столкнулись в трамвае. Славик ехал с молодой женщиной. Подошёл. «Моя жена», – кивнул головой в сторону спутницы. И произнёс как-то нехорошо: «Хотел жениться на деньгах и женился». В сказанном было и хвастовство, и упрёк. Ксении послышалось: вот были бы у тебя деньги... Ответила «нет», когда тихо предложил: «Может, созвонимся?» Хотя в первое мгновение, как увидела, была не против...

Редко в какой период у неё не было мужчины на стороне. Любопытная до впечатлений, охочая до сладких ощущений, адреналина, что давали любовные приключения, легко заводила знакомства. Угасала связь с одним, появлялся другой, кто-то из прежних выныривал из прошлого. Как правило, не отказывала. «Много у меня было женщин, – признался однажды Дима-адвокат, – но как ты – ни разу». Не только он говорил такое. Любили её мужчины... Возвращаясь домой с очередного свидания, вела себя как в ни в чём ни бывало. Мужу женского доставалось сколько хотел, без ограничений, даже если час назад горела в чужих объятиях и пригребла в родную гавань в состоянии «никакая». Виноватой себя не чувствовала... Почему бы и нет, искренне считала... Скрывать от мужа свои интрижки всегда везло... Это много позже подумает: а вдруг погиб оттого, что постоянно изменяла, истончая невидимую, связующую сердца супругов нить...

При всех изменах мужа любила. И мечтала о детях от него. Чуть, считала, девчонки подрастут, нужно третьего заводить... Не пугала серьёзная проблема: у неё был отрицательный

резус-фактор крови, у него положительный. Было время, настойчиво звала: «Петя, бросим город, поедим к твоим в деревню, дом построим». Корова с целебным молоком не входила в планы, навоз не вдохновлял, а вот деток нарожать среди сельской идиллии – рисовала картину. Удерживающих, эгоистичных мыслей: «Пожить для себя» – не лелеяла. Те самые,вшитые в сознание, «пятеро детей» должны быть. Не суть важна пропорция «мальчики – девочки», главное – пятеро...

В детстве соседка-подружка Галка располагала немислимым богатством для их полусельской, с частными домами улицы. У Галки было две куклы из мягкой, телесного цвета пластмассы. Одну называли московской, другую – ленинградской. Из Москвы и Ленинграда привёз Галке отец. Большие, с полным функциональным набором: глаза открываются-закрываются, говорят «мама». Любо-дорого одевать их, заворачивать, нянчиться. Как живые. Было Ксении с Галкой лет по шесть, это ещё до школы. Ксения куклу снарядит на прогулку, бант себе завяжет, выйдет на улицу, у калитки их дома стояла лавочка, из школьной парты сделанная, сядет и «прогуливает» куклу. Убаюкивает, колыбельную поёт.

Ребятишки, та же Галка, зовут в казаки-разбойники играть, в лапту, вышибалу. Она – нет. Если вышла с куклой, никаких игр. Как же бросить своего «ребёнка»? Росла не паинькой – кошкой по деревьям, заборам лазила, не всякий мальчишка угонится, но, если занялась «дитём», остальное по боку. Нянчить, купать, одевать – на первом месте. На руках шила куклам платица, трусики, колготочки. Однажды в шкафу нашла новую, самую красивую наволочку, из неё скроила игрушечную одежду своей ляльке. Что самое интересное – мама не ругала... Поохала: «Ксюша, Ксюша, какая ты ещё глупенькая...»

Она и взрослая была равнодушна к куклам. Сумасбродный кавалер Боря Чернов, прознав это, штук пять подарил. То резиновую, со свистком в боку вручит. «Закрой глаза», – попросил как-то, сам поднес к уху любовницы куклу и как нажмёт на неё, вызывая резкий свист. То привезёт Барби. «Деточке-конфеточке», – хихикал над её слабостью. Боря был водителем-экспедитором. Разъезжал на красном «москвиче»-каблучке. В течение трёх лет нет-нет и пассажирское сиденье занимала Ксения. Боря – парень весёлый, моторный, с поговоркой «без бэ»...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.